

**М.С. ЖИРОВ, Н.С. КУЗНЕЦОВА,
О.Я.ЖИРОВА, Е.Л. ХОРОШИЛОВА**

*Белгородский государственный институт искусств и культуры
г. Белгород, Россия*

*ORCID: 0000-0002-3774-915X, ORCID: 0000-0001-7611-6542,
ORCID: 0000-0002-5553-8815, ORCID: 0000-0002-1000-6356*

Песенные традиции русско-украинского пограничья: к проблеме формирования в условиях межэтнического взаимодействия

Статья посвящена исследованию актуальной проблемы – формированию песенных традиций русских и украинцев в условиях межэтнического взаимодействия в период строительства оборонительных сооружений белгородской засечной черты на территории бассейна реки Оскол. Сравнительный анализ говора, обрядовой культуры, осуществлённый на основе экспедиционных и архивных материалов, немногочисленных научных публикаций, позволил обозначить самостоятельность традиционных культур русских и украинских поселенцев в части бытовых, хозяйственных и семейно-брачных отношений. Сохранность этнического субстрата русских выявлена в народной одежде, в весенне-летних обрядах календарного цикла, в перечне свадебных чинов, обряде «повивания» невесты в доме жениха, свадебных и лирических песнях (приуроченных и не приуроченных).

Наиболее ярко компоненты украинской культуры проявились в довенечном и заключительном этапах свадебного обряда русских, хореографической лексике, наборе народных инструментов и инструментальных наигрышей, говоре. Общим явлением для всего региона русско-украинского пограничья оказалось исполнение щедровок, песен молодёжного цикла, а также позднетрадиционной лирики.

Ключевые слова: Русско-украинское пограничье, межэтническое взаимодействие, песенная традиция, музыкальный диалект, факторы формирования.

Для цитирования / For citation: Жиров М.С., Кузнецова Н.С., Жирова О.Я., Хорошилова Е.Л. Песенные традиции русско-украинского пограничья: к проблеме формирования в условиях межэтнического взаимодействия // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2021. № 4. С. 154–162. DOI: 10.17674/2782-3601.2021.4.154-162

**MIKHAIL S. ZHIROV, NATALIA S. KUZNETSOVA,
OLGA YA. ZHIROVA, ELENA L. KHOROSHILOVA**

Belgorod State Institute of Arts and Culture

Belgorod, Russia

ORCID: 0000-0002-3774-915X, ORCID: 0000-0001-7611-6542,

ORCID: 0000-0002-5553-8815, ORCID: 0000-0002-1000-6356

Russian-ukraine borderland song traditions: to the issue of forming in the interethnic interaction conditions

The article is devoted to an actual problem: forming Russians and Ukrainians song traditions in the context of interethnic interaction at the time of building defensive structures of the Belgorod notch line at the area of the Oskol River basin. The comparative analysis of the dialect, ritual culture, that was implemented on the basis of expeditionary and archival materials and a few scientific publications made possible to identify the independence of the traditional cultures of Russian and Ukrainian settlers in terms of household, economic and family-marriage relations. Preserving Russian ethnic substratum was revealed in folk clothes, in the spring-summer rituals of the calendar cycle, in the list of wedding ranks, the rite of “winding up” the bride in the groom’s house, wedding and lyrical songs (timed and untimed).

The Ukrainian culture components were most clearly manifested in the pre-final and final stages of the Russian wedding ceremony, choreographic vocabulary, folk instruments and instrumental tunes set and dialect. A common phenomenon for the entire region of the Russian-Ukrainian borderland was the performance of generosity, youth cycle songs and late traditional lyrics.

Keywords: Russian-Ukrainian borderlands, interethnic interaction, song tradition, musical dialect, formation factors.

Песенная традиция бассейна реки Оскол сравнительно недавно выделена исследователями как самостоятельный музыкальный диалект юга России. Этому факту способствовал целый ряд причин. Данная песенная традиция включает относительно небольшую территорию в пределах четырёх административных районов – Чернянского, Новооскольского, Волоконовского, Валуйского и граничащих с ними сёл Старооскольского, Корочанского, Вейделевского и Красногвардейского районов Белгородчины. Её расположение – на стыке двух мощных музыкально-этнографических комплексов: курского Попсёлья и воронежско-белгородского пограничья, в сочетании с зоной, приграничной с Украиной, – позволило исследователям назы-

вать традиционную культуру бассейна реки Оскол буферной зоной, тем не менее, вполне самостоятельной и самостоятельной: «Приоскольская традиция консолидировалась в самостоятельный локальный стиль, который характеризуется как смешанный, а его своеобразие определяется влиянием воронежско-белгородского стиля, курского Попсёлья, украинской традиции» [10, с. 215].

В результате полевых наблюдений, обработки архивных материалов научно-творческой лаборатории «Народная музыка юга России в современном социокультурном пространстве» Белгородского государственного института искусств и культуры были выявлены существенные различия в традициях русских и украинских сёл. В задачи настоящего исследо-

вания входит отбор и сравнительная характеристика компонентов традиционной культуры русских сёл, как сохранивших этнический субстрат, так и заимствованных из иноэтничной среды.

Сравнительный анализ проводился нами на основе обобщения экспедиционных и архивных материалов, а также с привлечением существующих на сегодняшний день немногочисленных публикаций об этнических традициях украинских поселенцев на юге России. Среди основных изысканий необходимо отметить работы исследователей: Е.А. Дороховой [2], С.А. Жигановой [3], П.В. Иванова [7], В.Н. Осадчей [8], Л.Н. Чижиковой [11], Г.Я. Сысоевой [9].

Традиционная культура верхнего Приосколья относится ко вторичным песенным системам (термин М.А. Енговатовой, Е.А. Дороховой). Её формирование связано со строительством оборонительных линий, предназначенных для защиты Московского государства от кочевников в XVI–XVII вв. В связи с этим колонизация этой территории осуществлялась мощными миграционными потоками из городов Большой засечной черты (Тула, Белёв, Новосиль и др.) и позже, в XVIII столетии, – украинскими переселенцами [5]. Как правило, русские и украинцы заселяли целые сёла или группы сёл, образуя своеобразные этнические анклав.

Характер отношений (общественных, бытовых, хозяйственных) русских и украинских переселенцев можно рассматривать как оппозиционный. На это указывает, в первую очередь, этническая самоидентификация, выраженная в народных терминах по отношению друг к другу: *хохлы* и *москалы* (или *кацаны*). Исследователи также отмечали, что браки между русскими и украинцами не приветствовались [11, с. 47]. Значительные отличия имели и виды их хозяйственной деятельности.

Так, русские занимались по преимуществу земледелием, а среди украинцев славились мастера-ремесленники: скорняки, чумаки (занимались торгово-перевозным промыслом), столяры-краснодеревщики, сапожники.

Этнические различия прослеживаются и в областях материальной и духовной культур. Например, в сложившихся комплексах женской традиционной одежды: у русских – комплекс с юбкой из фабричной ткани и домотканой конопляной рубахи с геометрической вышивкой красного и чёрного цветов в технике крест, у украинок – «парочка» (комплекс, состоящий из юбки и кофты, сшитых из одной фабричной ткани). Знаковые для местного календарного цикла весенне-летние девичьи обряды также имеют различия в содержании и сроках отправления: «Крещение и похороны кукушки» у русских длился с Вознесения до Троицы, проводы «Маринки» у украинцев совершались на Ивана Купалу. Совокупность обозначенных признаков позволяет констатировать самостоятельность традиционных культур русских и украинских поселенцев в бассейне реки Оскол и с высокой точностью очертить их пограничное пространство.

Одним из устойчивых компонентов традиционной культуры является говор. Учёные-диалектологи исследуемый регион относят к курско-орловской группе говоров южнорусского наречия, которая характеризуется диссимилиативным «аканьем». В совместной работе К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой выделена межзональная группа оскольских говоров, характеризующаяся наличием смешанных признаков: «На территории оскольских говоров имеют распространение явления, характерные для говоров русско-украинского пограничья...» [6, с. 139]. Полевые наблюдения авторов статьи подтверждают, что в обиход русского населения

прочно вошли традиционные украинские слова, произносимые на свой манер: *снідати* – *снедать* (завтракать); *вечірять* – *вечерять* (ужинать); *бурякы* – *бураки*, (свёкла); *гребовать* (брезговать); *балакать* (говорить), *втыхаря* (тайком); *зажурився* (запечалился); *сидало* (насест для домашней птицы) и др.

Среди обрядов и праздников календарного цикла общим явлением для всего региона русско-украинского пограничья оказалось исполнение *щедровок*. В ходе экспедиционной работы, проводившейся в бассейне реки Оскол, отмечено бытование новогодних величально-поздравительных песен уже в редуцированной форме. В поэтических текстах сохранилась структура с зачином и следующей за ним концовкой, содержащей требования одарить колядовщиков:

Щидровочка щидрувала,
У виконцэ заглядала.
Шо ты, тётка, наварыла?
Шо ты, тётка, напыкла?
Нэсы скорий до викна.
Ны кусай и ны ломай,
А по цилому давай.

Примечательно, что на исследуемой территории преобладают песни молодёжного цикла, в целом характерные для украинской традиции. В «украинизированных» сёлах Новооскольского района канун старого Нового года по-прежнему именуют «Маланкой». Раньше хозяев дома, где жили девушки на выданье, с праздником поздравляла «Маланка» – ряженая невестой девушка, которую водили подруги – одну или с «Васылём». Хозяйева обязательно угощали их варениками [4, с. 83].

В наибольшей степени украинскими элементами насыщен свадебный обряд русских сёл бассейна реки Оскол. В довенечной части ритуала они проявляются вкраплениями, главным образом, в сёлах южного субареала. К ним относятся сле-

дующие обрядовые действия: возвращение хлеба невестой в случае отказа или связывание краюшек на сватовстве – при согласии; обычай приходить жениху на ночёвку к невесте после сватовства; украшение каравая ветками дерева, именуемого «тэремом» или «гильцем»; надевание невестой свадебного венка из бумажных цветов – *квиток*; перевязывание сватов и дружка рушниками через плечо; в северном субареале – многоэтапный выкуп невесты (выкуп приданого, косы, места, связанных ложек).

Цикл заключительных обрядов свадьбы отличается повсеместным распространением элементов, заимствованных из украинской традиции. К ним относятся: обычай вывешивания флага на крыше дома жениха, катание свашки по селу на тачке и вываливание её в луже, забивание кола у ворот дома жениха по окончании свадебного пира, ношение родственниками невесты несъедобного завтрака – *снеданья* молодым, редкий обычай – «жито молотить» (русское село Макешкино, украинское село Гринёв Новооскольского района, украинское село Жигайловка Корочанского района). В украинских сёлах понятие «жито молотить» включало в себя различные действия. Например, в селе Жигайловка Корочанского района «житом» назывался букет из 9 пучков колосьев жита (по 9 колосьев в каждом пучке), сложенный на манер деревца. Его перевязывали красной лентой, украшали конфетами, ставили в графин с вином рядом с караваем. На второй день свадьбы разыгрывали борьбу за этот цветок между родственниками невесты и жениха. Ряженные со стороны жениха приходили с серпом, утверждая, что «жито уже созрело» и его необходимо жать. Конфеты гости быстро разбирали, как знак будущей сладкой жизни молодых, всех угощали вином из графина. В русском селе Макешкино

Новооскольского района под выражением «*жито молотить*» подразумевалась пляска на снопе сена в знак окончания свадебных гуляний.

К стабильным, неизменным компонентам русской свадьбы принадлежат обряд «повивания» невесты в доме жениха (в отличие от украинского обряда «покрывания» в доме невесты) и перечень свадебных чинов (у русских – *свашка, бояре, дружка*; у украинцев – *свашка, светилка, старший дружка, дружок, дядька*).

Важно отметить, что украинские традиции в русской свадьбе соотносятся, глав-

ным образом, с её заключительным этапом, обрядовые действия которого направлены на социализацию молодых, признание их статуса всей общиной. Если начало свадебного ритуала исследователи рассматривают как оппозицию рода невесты и рода жениха (соответственно, свой/чужой), то конец свадьбы – как единение родов. В таком контексте наиболее логичным оказывается доминирование украинских элементов на заключительном этапе русской свадьбы. Таким образом, можно предположить, что заключительный этап верхнеоскольской свадьбы является своеобразным отражением

длительных межэтнических культурных отношений русских и украинцев.

Как показывает анализ, свадебные песни исследуемой территории сохраняют этническое своеобразие. Так, у украинцев корпус свадебных песен представляют, как правило, два политекстовых напева с формулами стиха 6+6 и 5+3 (см. Пример 1), а у русских – группой политекстовых напевов с формулами стиха 6+6, 7+7, 4+5 и 4+4+3, 4+4+6 с «алилешным» рефреном (см. Пример 2), а также целым корпусом напевов, не входящих в группу политекстовых.

Вероятно, локальной особенностью украинских сёл является функционирование свадебных напевов со стихом 5+3 в качестве прощальных, но не корильных (как, например, в западной части Белгородчины). Нельзя не отметить, что в русских сёлах верхнего Приосколья напевы с ана-

Пример 1 Свадебный политекстовый напев украинского села Жигайловка Корочанского района Белгородской области (формула стиха 6+6)

Пример 2. Свадебный политекстовый напев русского села Васильдол Новооскольского района Белгородской области (формула стиха 6+6)

логичной формулой стиха фиксируются редко и также в качестве прощальных.

Наиболее ярко компоненты украинской культуры проявились в лексике хореографических движений, используемых в плясовых песнях и бытовых танцах. Например, подпрыгивание вверх с прямым корпусом при постановке рук на поясе, удары ногой о ногу в прыжке, так называемые «голубцы», попеременные притопы ногами перед собой, боковое движение быстрым шагом с прибавом, боковое движение соскоком, хлопки по груди, коленям, пяткам у мужчин; использование платков в ходе исполнения хороводных песен и лёгкой обуви из мягкой кожи – у женщин. Этот хореографический стиль был обозначен И.И. Веретенниковым в книге «Белгородские карагоды» как «оскольский» [1]. Описанный хореографический пласт движений на основе круга, полукруга, импровизационных переходов участников внутри круга в сочетании с обилием бытовых танцев «Нареченька», «Барыня», «Сербиянка», хороводной формы частушек «Семёновна», «Тройками» и инструментальных наигрышей «Дуся», «Подружка», «Саратов», «Побреду» и других характерен для песенных традиций украинских поселенцев бассейна реки Оскол. Общность движений сопровождается и типичным для традиции некогда бытовавшим набором инструментов: балалайка, гармонь, мандолина, цимбалы (в селе Гринёв Новооскольского района словом цимбалы называют металлический треугольник), травяная дудка. Факт того, что танцевальная традиция украинцев так плотно прижилась в исследуемом регионе, возможно, указывает на изначальное отсутствие или неразвитость хореографических компонентов на начальном этапе формирования местной песенной традиции.

Жанр лирической песни является любимым как в русских, так и в укра-

инских сёлах региона. В русских сёлах отмечено бытование как приуроченных лирических песен, так и неприуроченных, причём последние значительно доминируют. Большинство из них обладают признаками, характерными для исторически наиболее раннего слоя напевов, к которым, по мнению З.В. Эвальд, относятся: преобладание вариантно-гетерофонной фактуры в совместном пении, узкообъёмного амбитуса звукорядов, модальной мелодики, наличие политекстовых напевов, напряжённое тембровое звучание [12]. Неприуроченные лирические песни с традиционной музыкальной стилистикой (вторичной ритмической композицией, узкообъёмным звукорядом) встречаются значительно реже, преимущественно в сёлах южного субареала.

Позднетрадиционные лирические песни практически однотипны для русских и украинских сёл. Это подтверждает факт их заимствования друг у друга, что не отрицают и сами исполнители. Для песен этой группы характерны следующие признаки: преобладание фактуры гомофонно-гармонического склада или двухголосия по типу «ленточного» (термин Т.С. Бершадской), наличие широкого диапазона, романсовых интонаций, а также – опора мелодики на стопный стих, октавные узлы в середине и конце мелострофы, первичный тип ритмической композиции. Популярными сюжетами песенного стиля бассейна реки Псёл является семейно-бытовая тематика: «Скакал казак через долину», «Туман ярмом», «Посияла огирочки», «Срывала я розу в вишнёвом саду», «Копав, копав крыныченьку» и др.

Таким образом, изучение компонентов традиционной культуры верхнего Приосколья, установление их иерархических взаимосвязей позволяет в новом свете представить динамику развития традиционной культуры юга России. С одной

стороны, обилие компонентов украинской культуры в традиции русских сёл указывает на активные межэтнические взаимодействия. С другой стороны, при более тщательном рассмотрении набора компонентов и их отношений друг к другу удалось установить, что межэтнические коммуникации проявились в элементах, соотносимых со стадиально более поздним историко-культурным периодом.

Это актуализирует необходимость разработки проблемы стандартизации материальной и духовной культуры этого периода, обусловленную воздействием урбанизации, общей подвижности населения, роста числа русско-украинских браков, что незамедлительно отразилось в устройстве жилища и хозяйственных построек, в традициях кухни, диалекте, в том числе диалекте музыкальном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веретенников И.И. Белгородские карагоды. Белгород, 2020. 89 с.
2. Дорохова Е.А. Этнокультурные «острова»: пути музыкальной эволюции. Песенный фольклор русских сёл Курского Посемья и Слободской Украины: монография. СПб.: Композитор, 2013. 460 с.
3. Жиганова С.А. Кубанская свадьба как музыкально-этнографическая традиция позднего формирования: автореф. дис... кандидата искусствоведения. М., 2008. 27 с.
4. Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины: учебное пособие. Белгород, 2000. 263 с.
5. Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1980. 238 с.
6. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. 2-е изд., стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 176 с.
7. Иванов П.В. Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии. Харьков: Печатное дело, 1907. 226 с.
8. Осадчая В.Н. Обрядова пісенність Слобожанщини. Харьков: Видавець Савчук О.О., 2011. 184 с.
9. Раннее казачество на Тихой Сосне: сборник материалов / ред.-сост. Г.Я. Сысоева. Воронеж, 2019. 207 с.
10. Сысоева Г.Я. Приоскольский локальный стиль в Белгородской области // Народная художественная культура Белгородчины на рубеже веков: состояние и перспективы: тезисы и доклады научно-практической конференции (Белгород, 21–22 декабря 2000 г.). Белгород, 2001. С. 210–217.
11. Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М.: Наука, 1988. 256 с.
12. Эвальд З.В. Социальное переосмысление жнивных песен Белорусского Полесья // Песни Белорусского Полесья / под ред. Е.В. Гиппиуса. М.: Сов. композитор, 1979. 148 с.

Об авторах:

Жиров Михаил Семёнович, доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения, Белгородский государственный институт искусств и культуры (308033, Белгород, Россия), **ORCID: 0000-0002-3774-915X**, zhirovms1951@mail.ru

Кузнецова Наталья Станиславовна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусства народного пения, Белгородский государственный институт искусств и культуры (308033, Белгород, Россия), **ORCID: 0000-0001-7611-6542**, natafolk@mail.ru

Жирова Ольга Яковлевна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения, Белгородский государственный институт искусств и культуры (308033, Белгород, Россия), **ORCID: 0000-0002-5553-8815**, zhirovms1951@mail.ru

Хорошилова Елена Леонидовна, доцент кафедры искусства народного пения, Белгородский государственный институт искусств и культуры (308033, Белгород, Россия), **ORCID: 0000-0002-1000-6356**, horoshilova-elena@mail.ru

REFERENCES

1. Veretennikov I.I. *Belgorodskie karagody* [Belgorod Karagods]. Belgorod, 2020. 89 p.
2. Dorokhova E.A. *Etnokul'turnye «ostrova»: puti muzykal'noy evolyutsii. Pesenny fol'klor russkikh sel Kurskogo Posem'ya i Slobodskoy Ukrainy: monografiya* [Ethno-cultural 'islands': ways of musical evolution. Song Folklore of Russian Villages from Kursk and Sloboda Ukraine: Monograph]. St. Petersburg: Kompozitor, 2013. 460 p.
3. Zhiganova S.A. *Kubanskaya svad'ba kak muzykal'no-etnograficheskaya traditsiya pozdnego formirovaniya: avtoreferat dissertatsii... kandidata iskusstvovedeniya* [Kuban wedding as a musical and ethnographic tradition of late formation: Thesis of Dissertation for the Degree of Candidate of Arts]. Moscow, 2008. 27 p.
4. Zhirov M.S. *Narodnaya khudozhestvennaya kul'tura Belgorodchiny: uchebnoe posobie* [Folk Art Culture of the Belgorod Region: Textbook]. Belgorod, 2000. 263 p.
5. Zagorovskiy V.P. *Izumskaya cherta* [Izumskaya chert']. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1980. 238 p.
6. Zakharova K.F., Orlova V.G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialect division of the Russian language]. 2nd edition, stereotyped. Moscow: Editorial URSS, 2004. 176 p.
7. Ivanov P.V. *Zhizn' i pover'ya krest'yan Kup'yanskogo uyezda Khar'kovskoy gubernii* [Life and beliefs of peasants in Kup'yansky uyezd, Kharkiv Province]. Kharkov: Pechatnoe delo, 1907. 226 p.
8. Osadchaya V.N. *Obryadova pisennist' Slobozhanshchiny* [Rite singing of Slobozhanshchina]. Kharkiv: Vidavets' Savchuk O.O., 2011. 184 p.
9. *Ranee kazachestvo na Tikhoy Sosne: sbornik materialov* [Early Cossacks on Tikhoy Sosna: collection of materials]. Editor-compiler G.Ya. Sysoeva. Voronezh, 2019. 207 p.
10. Sysoeva G.Ya. *Prioskol'skiy lokal'nyy stil' v Belgorodskoy oblasti* [Prioskolsky Local Style in Belgorod Region]. *Narodnaya khudozhestvennaya kul'tura Belgorodchiny na rubezhe vekov: sostoyanie i perspektivy: tezisy i doklady nauchno-prakticheskoy konferentsii (Belgorod, 21–22 dekabrya 2000 goda)* [Folk Art Culture of Belgorod Region at the Turn of Centuries: State and Prospects: Abstracts and Reports of the Scientific and Practical Conference (Belgorod, December 21–22, 2000)]. Belgorod, 2001, pp. 210–217.
11. Chizhikova L.N. *Russko-ukrainskoe pogranch'e: istoriya i sud'by traditsionno-bytovoy kul'tury* [Russian-Ukrainian Borderlands: History and Destiny of Traditional and Customary Culture]. Moscow: Nauka, 1988. 256 p.
12. Eval'd Z.V. *Sotsial'noe pereosmyslenie zhivnykh pesen Belorusskogo Poles'ya* [Social rethinking of stubble songs of Belarusian Polesie]. *Pesni Belorusskogo Poles'ya* [Songs of Belarusian Polesie]. Edited by E.V. Gippius. Moscow: Sovetskiy kompozitor, 1979. 148 p.

About the author:

Mikhail S. Zhirov, DrSci (Pedagogy), Professor at the Folk Singing Art Department, Belgorod State Institute of Arts and Culture, **ORCID: 0000-0002-3774-915X**, zhirovms1951@mail.ru

Natalia S. Kuznetsova, PhD (Arts), Associate Professor at the Folk Singing Art Department, Belgorod State Institute of Arts and Culture, **ORCID: 0000-0001-7611-6542**, natafolk@mail.ru

Olga Ya. Zhirova, PhD (Pedagogy), Professor at the Folk Singing Art Department, Belgorod State Institute of Arts and Culture, **ORCID: 0000-0002-5553-8815**, zhirovms1951@mail.ru

Elena L. Khoroshilova, Associate Professor at the Folk Singing Art Department, Belgorod State Institute of Arts and Culture, **ORCID: 0000-0002-1000-6356**, horoshilova-elena@mail.ru

